

МРНТИ 03.09.31

<https://doi.org/10.26577/JH202511837>**З.Б. Шахаман^{id}, Р.К. Бекмагамбетов^{*id}**

Костанайский региональный университет им. Ахмета Байтурсынулы, Костанай, Казахстан

^{*}e-mail: ruslan69_07@mail.ru

ИНСТРУКТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ А. ГЕЙНСА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Целью исследования является выявление специфических методов управления в Тургайской области в 1870–1890-е гг. на уровне местного управления (уездный начальник, волостной, аульный старшина) посредством принятых и внедренных инструктивных указаний. Изучаемые Инструкции отражали насколько адаптировался колониальный чиновничий аппарат на местах в реализации реформ второй половины XIX века. Методологией исследования выступила концепция новой имперской истории. В основе исследования заложен принцип историзма, объективности и системности. Результат. Российская империя, расширяя свои границы на Восток, ставила своей целью приведения туземного населения той же Тургайской области к так называемой «общероссийской гражданственности», с желательностью расширения русского языка в делопроизводстве, с переходом на общероссийские законы в перспективе. Анализ инструктивных документов позволяет утверждать, что прослеживается в некотором роде симбиоз сервисной и патерналистской модели государства. Уездным начальникам предписывается работать во благо подчиненных им людей и для их существенной пользы, обеспечивать частные и общественные права казахов, ограждать их покой. В то же время, утверждалось, что не волостные, а уездные начальники должны стать хозяевами уезда и иметь власть среди туземного населения.

Ключевые слова: империя, управление, уездные начальники, Временная инструкция, Мотивированная инструкция, Тургайская область.

Z.B. Shakhaman, R.K. Bekmagambetov^{*}

Kostanay Regional University named after Akhmet Baitursynuly, Kostanai, Kazakhstan

^{*}e-mail: ruslan69_07@mail.ru

The instructional documents of the military governor of the Turgai region A. Geins as a historical source

The purpose of the study is to identify the specific methods of administration in the Turgai region in 1870–1890s at the level of local administration (district chief, volost, aul headman) through the adopted and implemented instructions. The studied Instructions reflected how adapted the colonial bureaucratic apparatus at the local level in the implementation of reforms of the second half of the 19th century. The methodology of the study was the concept of new imperial history. The research is based on the principle of historicism, objectivity and systematicity. Result. The Russian Empire, expanding its borders to the East, aimed to bring the native population of the same Turgai region to the so-called “all-Russian citizenship”, with the desirability of expanding the Russian language in office work, with the transition to all-Russian laws in the future. The analysis of instructional documents allows us to assert that a symbiosis of the service and paternalistic model of the state can be traced. The uyezd chiefs were instructed to work for the benefit of their subordinates and for their substantial benefit, to ensure private and public rights of Kazakhs, to protect their peace. At the same time, it was argued that not volosts, but uyezd chiefs should become the masters of the uyezd and have power among the native population.

Keywords: empire, administration, Uyezd chiefs, Temporary Instruction, Motivated Instruction, Turgai region.

З.Б. Шахаман, Р.К. Бекмағамбетов*

Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Қостанай Өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан

*e-mail: ruslan69_07@mail.ru

Торғай облысының әскери губернаторы А. Гейнстің нұсқаулық құжаттары тарихи дереккөзі ретінде

Зерттеудің мақсаты – 1870–1890 жылдардағы Торғай облысында жергілікті басқару деңгейінде (уезд бастығы, болыс, ауыл старшыны) қабылданған және жүзеге асырылған нұсқаулар арқылы нақты басқару әдістерін анықтау. Зерттелген нұсқаулар отарлық шенеунік аппаратының XIX ғасырдың екінші жартысындағы реформаларды жүзеге асыруға қаншалықты бейімделгенін көрсетті. Зерттеу әдіснамасы болып жаңа империялық тарих тұжырымдамасы белгіленді. Зерттеу тарихи, объективтілік және жүйелілік принциптеріне негізделген.

Нәтиже. Шекарасын шығысқа қарай кеңейте отырып, Ресей империясы сол Торғай облысының байырғы халқын «бүкілресейлік азаматтыққа» алуды мақсат етіп, іс қағаздарын жүргізуде орыс тілін кеңейтіп, болашақта бүкілресейлік заңдарға көшуді көздеді. Нұсқаулық құжаттарды талдау мемлекеттің қызметтік және патерналистік моделінің қандай да бір симбиозы бар екенін көрсетеді. Уезд бастықтарға өздеріне бағынған адамдардың игілігі үшін және олардың елеулі пайдасы үшін жұмыс істеуге, қазақтардың жеке және қоғамдық құқықтарын қамтамасыз етуге, олардың тыныштығын қорғау тапсырылды. Сонымен бірге болыс басшылары емес, керісінше, уездік бастықтар уездің қожайыны болып, жергілікті халық арасында билікке ие болуы керек деген пікір айтылды.

Түйін сөздер: империя, басқару, уезд бастықтары, Уақытша нұсқаулық, Дәлелді нұсқаулық, Торғай облысы.

Введение

Российская империя конца XIX века потрясала воображение современников, как обширностью территории, так и многообразием ландшафтов, населяющих ее этносов, форм их государственной самоорганизации (государственного и местного управления), имевших место до инкорпорации их в тело империи.

Различные «Правила», «Положения», «Инструкции» второй половины XIX века имели целью внедрение общеимперских законов в «окраины» империи, адаптацию имперских норм права и системы управления, в частности, в «свеже обретенных» азиатских регионах России, как показала практика, с проявлениями элементов учета специфики местного характера и традиционных инструментов управления нерусским кочевым и полукочевым населением до достижения ими уровня «общеимперской гражданственности» (Инструкция). В идеале патерналистской модели «власть» – «нерусский народ окраин» мыслилось, что это население перейдет в перспективе к оседлости, русскому языку и будет ассимилировано.

Целью исследования является выявление специфических методов управления в Тургайской области в 1870–1890-е гг. на уровне местного управления (уездный начальник, волостной, аульный старшина). Исследовательские задачи, исходящие из сформулированной авторами

цели, заключаются в следующем: проанализировать работу местного управления в обозначенный период по материалам переписки чиновников русской администрации и «соображений» губернаторов области; выявить адаптивные практики управления казахским населением на основе архивных материалов.

Локальный подход к мало исследованной проблеме позволит нам через анализ событий и процессов в Тургайской области расширить представления об истории Казахской Степи в пореформенный период в целом. Обширность территории и различия Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств, как отмечали российские высшие чины, определяли и различия в их управлении. Нас особенно интересует послеформенная (1867–1868гг.) Тургайская область с ее 4 уездами – Илецким, Иргизским, Николаевским и Тургайским: какими были адаптивные практики внедрения Российских имперских институтов и органов местного управления.

Материалы и методы

В качестве основного источника выступает документ «Мотивы к Временной инструкции уездным начальникам Тургайской области и соображения по управлению киргизами» (далее – Мотивы) от 13 января 1878 года военного губернатора Тургайской области, генерального штаба Генерал-Майора Александра Константиновича

Гейнса, разработанные им по поручению Оренбургского генерал-губернатора. Они являются обоснованием необходимости единой, хотя бы временной инструкции для уездных начальников Тургайской волости. А так же «Временная инструкция уездным начальникам Тургайской области 1878г.» (далее – Временная инструкция), в которой системно изложены правила управления областью.

Нас интересуют законотворческая мысль и практика того времени по улучшению организации управления в Тургайской области, более эффективному взаимодействию уездных начальников с волостными, аульными старшинами и казахским населением в плане оказания на них влияния, основанные на материалах наблюдений и рутинной деятельности чиновника.

Работа выполнена в рамках методологии новой имперской истории, исходя из которой нельзя дистанцировать понятия империя и нация, только при помощи этих двух осей координат возможно осуществить исследование. В ней предпринята попытка проследить взаимосвязь имперских идей и их реализация в рамках конкретного исторического периода и места, а именно на территории Тургайской области во второй половине XIX века. В основе исследования заложен принцип историзма, объективности и системности. Применен историко-системный подход, в основе которого лежит представление об империи как о комплексном феномене, включающем в себя совокупность правовых, экономических, политических элементов.

Обсуждение

Отметим, что Тургайская область в дореволюционный период по причинам государственной необходимости изучалась в статистическом, экономическом, историко-этнографическом, социокультурном плане.

Советская и современная казахстанская историческая наука не рассматривали исследуемую тему как самостоятельную научную проблему. Имеется ряд исследований по реформированию степных областей, однако специфика региональной адаптации систем управления в Тургайской области в пореформенный период, так же как и история этой области в колониальный период не была предметом научного исследования. Тем не менее, обозначенных два источника Мотивы и Временная инструкция подверглись отчасти анализу в более широких аспектах изучения ко-

лониальных практик. Так, Сариева Р. при анализе колониальной администрации Тургайской области второй половины 19 в. связывает создание Инструкций с целью унифицирования подходов к управлению местным населением и единообразного применения статей «Временного положения», справедливо замечая, что они не стали панацеей от новых провалов в деятельности администрации. (Сариева, 2002). Калиева Г.К. исследовала степень влияния русской администрации, в лице уездных начальников на сферу традиционных отношений, опираясь на Мотивы. (Калиева, 2010). Кайралапина А. рассмотрела Мотивированную инструкцию через призму деятельности и личностных качеств уездных начальников (Кайралапина, 2015).

Российский историк Любичанковский С. изучая механизмы превращения жителей присоединяемых территорий в лояльных подданных особенно подчеркивал специфическую систему управления. Рассматривая роль уездных начальников в этой системе управления, так же обращается к Мотивированной инструкции. Отметив, что по сути это была первая инструкция, где были изложены функциональные обязанности уездных начальников. (Любичанковский, 2017).

В целом вопросы взаимоотношений имперских чиновников и степных жителей, инкорпорации казахов в российский чиновничий аппарат, трансформация традиционного казахского общества под влиянием имперской политики рассмотрены Айтмухамбетовым А.А. (Айтмухамбетов, 2010), Султангалиевой Г.С. (Султангалиева, 2009, 2015), Далаевой Т.Т. (Далаева, 2016), Удербаяева С.К. (Удербаяева, 2014), Абдрахим М.Е., Моррисон А. (Абдрахим, Моррисон, 2022).

Теоретико-методологической основой послужили труды современных исследователей. Работа А.Рибера, который ориентировал исследователей при изучении окраин и империй на выявление множественных и сложных взаимосвязей, как межгосударственных, так и межкультурных, и межэтнических. (Rieber, 2014). Следующее исследование С. Бергера и А. Миллера, которые определяя основные сферы, в которых имперское неразрывно связано с национальным, выделяют несколько, среди них: различные аспекты «управления пространством» и политику (Miller, Berger, 2015). Следующий автор, И.Кэмпбелл пишет, что в Казахской степи, как и в других колониальных империях, знание о регионе и его населении составляло важную

часть процесса консолидации, поддержания и трансформации системы управления. (Campbell, 2017).

Результаты

Будучи человеком военным и вместе с тем имеющим широкие интересы, А.К. Гейнс занимался, в том числе, этнографией. Уже после его смерти, в 1897 году его супруга Ольга Сергеевна организовала выпуск работ в трех томах. Два тома были посвящены Центральной Азии, конкретно казахским степям. В течение полутора лет своего военного губернаторства в Тургайской области (1877-1878гг.), в частности, по итогам ревизии Тургайской области (и экспедициях более раннего периода), он получил практические сведения о хозяйственном укладе, обычаях и психологии казахов. В собрании сочинений А.Гейнса в первом томе Н.Дмитровским в очерке «Памяти А.К.Гейнса» отмечено, что «время его управления Тургайской областью талантливость, знание края и энергия Александра Константиновича оставили по себе достойный и памятный след» (Гейнс, 1897:14). После ревизии области он оставил для уездных начальников замечательную, встреченную восторженно лучшими органами прессы, «Мотивированную временную инструкцию», обнимающую собою хозяйственно-бытовую, политико-административную, юридическую и финансовую сторону жизни киргизского народа – труд, заключающий в себе множество оригинальных мыслей и свидетельствующий о глубоком знании автором степного киргизского быта и горячей любви к кочевому народу» (Гейнс, 1897:15).

Побудительным мотивом для разработки Инструкции послужили общие выводы в результате поездки А.К. Гейнса с «ревизией» по области. Он отмечает, что и при усердных добросовестных уездных начальниках даже через 9 лет после принятия «Временных положений 1867-1868гг.» дела в уездах обстоят неудовлетворительно. Корень проблемы он видел в том, что на местном уровне начальство уездов неполно знакомо с жизнью и нуждами киргиз и в своих действиях не руководствуется одной общей точкой зрения (нет унификации норм права).

Отсутствие единообразия в управлении местным населением А.Гейнс видел в прошлом Оренбургской администрации, а именно в противоречивой политике военных губернаторов. В частности, граф Сухтелен и генерал Перовский

придерживались «странного» с точки зрения А.К. Гейнса мнения, что «будто интересы России требуют удержания киргизов во что бы то ни стало в их кочевом состоянии», причем Перовский даже запретил казахам строить прочные землянки. Генерал Обручев «пришел к другому крайнему убеждению, а именно, будто полезно и возможно сделать киргизов оседлыми, хотя бы и форсированными мерами». Генерал Катенин был последователем Обручева. И те, и другие, по мнению А.К. Гейнса были не правы, так как «стараясь вести дело не так, как требуется «Временным Положением» или нуждами киргизов, а так, как, по их мнению, это кажется наилучшим» (Гейнс, 1898:540-541).

«А что есть наилучшее?» – задавался вопросом А.Гейнс. Вести к цивилизации, а именно оседлому образу жизни форсированными темпами ... не приведет ли это к исчезновению самого казахского народа, – замечал он, как будто предвидя будущее. Через 40 лет большевики в революционном рвении, даже сами не подозревая, осуществляют идеи генералов Обручева и Катенина, и в Тургае наступит страшный голод и вымирание населения.

В Мотивах А.Гейнс отмечал, что собрал уездных начальников, создал особую комиссию и были обсуждены наиболее актуальные вопросы местного управления, чтобы было какое-то единообразие в принятии решений по сходным проблемам. По итогам работы комиссии Гейнс составил Временную инструкцию. В сегодняшнем формате государственного управления этот процесс назвали бы попытку обобщения опыта и унификации действий в однотипных ситуациях, то есть адаптации общероссийской законодательной теории и практики к местным условиям с выработкой алгоритма действий в типических ситуациях. Поэтому А. Гейнс разбирает некоторые стороны жизни казахов: хозяйственно-бытовую, политико-административную, юридическую и финансовую.

В первой части А.К. Гейнс дал небольшой анализ содержания и практической реализации «Временного положения» об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями, отмечая резко различающиеся в нем части. А именно, областные и уездные управления должны руководствоваться общими законами империи, а «законы, определяющие права и обязанности киргизов, основаны главным образом на обычном праве и на особых условиях кочевой жизни». Все, что касается мест-

ной (туземной) администрации, народного суда, взимания податей, отбывания повинностей и тому подобное было определено в самых общих чертах.

А.Гейнс сделал вывод, что это «поставило русскую администрацию во главе киргизов, предоставив первой довольно широкую свободу действий и обеспечив последним самоуправление по всем тем сторонам их жизни, которые не имеют политического или общегосударственного значения». И если во внутренних губерниях местное управление руководствуется общеимперскими законами и повседневной практикой (рутиной), то в казахских степях русский чиновник неизбежно сталкивается с неизвестными для себя формами повседневности, что затрудняет управление.

В своей временной инструкции А.Гейнс писал: «в сущности дела, уездный начальник не только административный орган, но и политический агент, ответственный за успешное водворение в степи уважения к русской власти и за установление среди киргизов доверия к правительственным мероприятиям», – и подчеркивал особую роль уездных начальников, как формирующих мнение областной администрации о делах на местах, так как те не имели прямого сообщения с волостными и аульными старшинами, более того областное управление находилось не в Тургае, а в далеком Оренбурге.

В частности, А.К. Гейнс указал, какие недостатки были в управлении Тургайской областью на местах у тех же уездных начальников:

1) не все чины уездной администрации достаточно ознакомились с условиями киргизской жизни;

2) уездные начальники не руководствуются в своих действиях одною обязательно для всех программой (она отсутствует) и

3) в уездных управлениях придают слишком большое значение распоряжениям, сделанным на бумаге, меж тем как на местах они на протяжении месяцев не исполняются (Гейнс, 1898:556-557).

В то время как «Уездные начальники Тургайской области пользуются среди подчиненного им населения огромною властью (... из четырех уездных начальников Тургайской области трем были подчинены и войска, расположенные в подведомственных им уездах...), так что одно их слово или намек производит на киргизов большее впечатление, чем ворохи испанской бумаги». Поэтому дается рекомендация:

«Рекомендую уездным начальникам принять как за общее правило, поменьше писать волостным управителям и почаще их видеть» (Гейнс, 1898:558).

Несмотря на добрые намерения и рациональность замечаний, практика показала, что и через 18 лет проблемы коммуникаций имели место. От Военного губернатора Тургайской области 26.08.1896 г. Илецкому уездному начальнику поступил запрос о том, на каком языке ведутся письменные деловые сношения между волостными управителями, ими с аульными старшинами, старшин между собой, аульных старшин с выборными т.др. лицами. На каком языке вписываются в книги постановления уездных и чрезвычайных съездов; на каком языке составляются всякого рода приговоры волостных съездов и аульных судов; возможно ли обратить документооборот на киргизском языке с русским алфавитом?

Военный губернатор задавался вопросом, как можно управлять населением, языка которого не знаешь и предостерегал от приема на работу в качестве писарей и переводчиков выходцев из Средней Азии. Очевидно опасаясь нелояльности с их стороны, как народов, недавно завоеванных силой русского оружия Россией.

Выяснилось, что 31 из 37 писарей – русские, остальные башкиры и татары. Казахская молодежь, выучившаяся по-русски (а по списку это порядка 80 человек) занимается скотоводством, кочует, потому что или слабо подготовлена, либо не заинтересована в работе писарями из-за неопределенности служебного положения. На русском языке переписка шла в прилинейных Илецком и Николаевском уездах, возможно ввиду наличия по-русски знающих людей. В Иргизском и Тургайском приходилось «использовать киргизский язык на основе арабского письма, так как оно широко распространено» (ЦГА РК Ф. 25. О.1. Д. 592. Л...41) Получаем подтверждение грамотности казахского аула.

Исходя из сложившейся ситуации, впоследствии военные губернаторы будут ратовать за назначение на низовую администрацию, волостных управителей, владеющих русским языком. Так, в местной газете отмечалось о назначении на должности волостных управителей грамотных киргиз. В одном из номеров было отмечено ходатайство Военного Губернатора о назначении на должности волостных управителей грамотных киргиз и о тех важных мотивах, которые легли в основу данного ходатайства. Исходя

из этого МВД признается весьма желательным замещение, если не всех должностей, по общему управлению киргиз, то по крайней мере должностей волостных управителей, лицами, получившим образование в русских, хотя бы начальных школах (Тургайская газета, 1896).

Интересно, что при рассмотрении политико-административной стороны казахской жизни А.К. Гейнс пишет об истории развития государственности у казахов и утраты ханами власти, принятие подданства и перехода в русское управление практически как современный учебник по истории Казахстана, упоминая и Кенесары хана.

В частности, в «Очерках прошлого» А.К. Гейнс пишет следующее: «Киргизский народ сложился в государственные формы всего около 1465 года, когда от узбеков бежали в степь со своими приверженцами Гирей и Джаныбек, два брата, происходившие от Джучия сына Чингиз-Хана. Впоследствии, около XVII столетия, киргизы разделились на три орды, из которых Малая и Средняя были приняты в русское подданство Анной Иоанновной 10 июня 1734 года. Это подданство в начале было чисто номинальное, в действительности же киргизы продолжали управляться ханами из рода Абулхаира (в Малой Орде) и рода Аблая (в Средней Орде), которые действовали как совершенно независимые владетели» (Гейнс, 1898:594).

По существу, высший чиновник русской администрации признает существование государственности казахов, что само по себе не часто встречавшееся явление. Возможно, это связано с происхождением самого Гейнса: мама – гречанка, отец – Эстляндский дворянин, это не то же самое, что дворянин из областей средней полосы России или коренной петербуржец.

А.К. Гейнс отмечал специфику критериев, характера авторитетности русской власти в глазах местного населения, а именно то, что авторитет власти зиждется на патерналистской, патриархальной модели, «так как правами главы семейства или рода можно только мотивировать действия, не указанные законом. Такой характер управления совершенно удовлетворяет киргизов, жизнь которых и до сих пор обусловливается родовым началом. Вероятно, этим обстоятельством нужно объяснить огромное и благотворное влияние в степи тех чинов администрации, которые, отбросив рутинные приемы и обособленность власти, стали к киргизам в самые близкие отношения и, действуют так, как

действовал хороший родоначальник». Для более эффективной коммуникации власти с населением в целях усиления ее влияния на казахов А.Гейнс предлагал русским чиновникам отойти от привычных рутинных стандартов поведения, с тем чтобы соответствовать идеалу весового, уважаемого человека в среде казахов.

Это впоследствии будет иметь место в практике поощрения лояльных к русской администрации и «усердных» казахов. В частности, если по «Временному положению» казахи могли быть поощрены за усердную службу орденами и медалями, суконными и бархатными кафтанами с серебряным или золотым галуном, в архивах есть документ, в котором в качестве поощрения казахам были пожалованы «серебряные кумысные чаши». Таким образом, учитывалась специфика местного менталитета, даже награды пытались адаптировать с учетом ценности того или иного предмета для награждаемых казахов. Тем более что сукно изнашивается, а серебряная посуда – долговечна, как память и как предмет быта.

Отмечая особенности патриархального менталитета казахов, А.Гейнс указывал, что «Уважаемого русского человека они немедленно облачают широкою властью патриарха, не обращая внимания на то, занимает ли он высокий пост или вовсе не состоит в администрации. Они обращаются к нему со всеми своими нуждами и ему часто приходится решать дела в качестве третейского судьи, мирить ссорящихся, останавливать разыгрывающуюся баранту, разбирать семейные дела и т. д.; обратно: я не видел в степи серьезного, деятельного и хорошего чиновника, который не пользовался бы у киргизов твердо установившеюся репутациею» (Гейнс, 1898:607).

В качестве примера приведен уездный начальник Тургайского уезда полковник Я.П. Яковлев, имевший «теплое участие к киргизам» и поэтому имевший влияние на казахов «в степях Оренбургского ведомства». Также Гейнс ссылается на личность Бонча-Осмоловского, к кому в форт Перовский за разбором сложных дел приезжали казахи из Хивы и Бухары, и решения Осмоловского принимались безапелляционно, окончательно. Это было связано с тем, что «рядом с умом и образованием, он обладал огромными сведениями о всех сторонах кочевой жизни, особенно о киргизском обычном праве».

А.Гейнс отмечает, что волостные широко пользуются своими правами и часто злоупо-

требляют, прикрываясь законами новой власти. Это идет из традиций прежней власти, когда ханы и султаны могли рассчитывать на богатые подарки.

А.Гейнс в этой части давал рекомендации по местному самоуправлению, в частности выборному процессу, важности фигуры, авторитета самого уездного начальника среди казахов, знания их обычаев и прямых контактов с аульными старшинами.

А.Гейнс рассматривал также расхождения в применении статей «Временного положения» в практике отправления правосудия на местах аульными старшинами и биями.

Заключение

Как мы видим,

1. Российская империя, расширяя свои границы на Восток, ставила своей целью приведения туземного населения той же Тургайской области к так называемой «общероссийской гражданственности», с желательностью расширения русского языка в делопроизводстве, с переходом на общероссийские законы в перспективе.

2. Реалии того времени и здравый смысл подсказали русской администрации замедлить ход реформ, остановившись на половинчатом варианте – туземное население было представлено волостными и аульными старшинами, подотчетными уездным начальникам, как правило, русским. Султанское сословие отстранено от власти и продолжает терять влияние.

3. Гейнс А.К. отмечает тот факт, что в Тургайской области султаны практически не избирались, объясняя этот феномен, дискредитацией чингизидов в глазах народа несправедливыми поборами и притеснениями. Хотя, мы придерживаемся мнения, что русской администрации не выгодно было сохранять и повышать социальный статус чингизидов, представлявшего собой институт традиционного общества и несущий элемент прежней системы власти в степи. И это в то время, когда у калмыков младшими чинами туземной администрации все еще были зайсаны – наследственные правители аймаков – невыборный, «родовой» титул (Батыров, 2016:80). Как у алтайцев и теленгитов, в частности.

4. В «Мотивах» А.К. Гейнса рекомендации для уездных начальников даны не просто с культуртрегерских позиций, а рекомендовано осуществлять управление (лидерство), опираясь на составляющие эмоционального интеллекта, в

частности на эмпатию. Работать во благо местного населения, адаптируясь к его менталитету, в частности, уважения к возрасту, опыту и знанию казахского языка, как пример – уездный начальник Тургайского уезда Яковлев, лет 20 бывший на этой должности.

5. Примером практики адаптации к местным условиям могут быть действия администрации, не прописанные в «Положениях». Например, если по «Временному положению» казахи могли быть поощрены за усердную службу орденами и медалями, суконными и бархатными кафтанами с серебряным или золотым галуном (что и в европейских частях империи), то в архивах есть документ, в котором в качестве поощрения казахам были пожалованы «серебряные кумысные чаши». Такой подарок отражает запросы, ценности и специфику казахского населения, издревле занимавшегося приготовлением кумыса.

6. И в Мотивах и во Временной инструкции уездным начальникам по управлению Тургайской области» 1878г. прослеживается в некотором роде симбиоз сервисной и патерналистской модель государства. Уездным начальникам предписывается работать во благо подчиненных им людей и для их существенной пользы, обеспечивать частные и общественные права казахов, ограждать их покой, иметь целью. Гейнс отмечает, что не волостные, а уездные начальники должны стать хозяевами уезда и иметь власть среди туземного населения, опосредованно подтверждая их слабое влияние в уезде. Во Временной инструкции говорится, что уездный начальник действия во благо казахов должен соединить с требовательностью и недоверчивостью как серьезный отец к поступкам своих детей

7. Система построения коммуникативной вертикали управления во Временной инструкции от уездного начальника до волостного и аульного в сегодняшнем формате государственного управления можно назвать попытку обобщения опыта и унификации действий в однотипных ситуациях.

8. В частности, попытка адаптации общероссийской законодательной теории и практики к местным условиям с выработкой алгоритма действий в типических ситуациях видна в регламентации прикочевков казахов Сыр-Дарьинской и Уральской областей на летовки в Тургайскую область. В данном случае предписывалось волостным (аульным старшинам) при прикочевке на земли Тургайской области отмечаться у уездного начальника или дать донесение о числе вко-

чевавших аулов, именной список аульных старшин и биев (поаульно) на специальных бланков для облегчения учета волостным. Однако, правило это не очень соблюдалось, о чем писали уездные губернатору области и в более поздние года (ЦГА РК Ф.25.О.1.Д.457. Л58-59).

9. Во Временной инструкции уездным начальникам предписывалось как можно ближе быть ко «вкочевавшим» аулом и действовать с осторожностью и тактом. В этом тоже видно понимание адаптироваться к меняющимся условиям – неустойчивой численности населения, миграции – и необходимости предотвращать конфликты между аулами из-за пастбищ и водоемов.

10. Особо актуальным был вопрос о знании уездными начальниками обычаев, нравов, языка местного населения. В общей программе для уездных начальников области во Временной инструкции определены 12 пунктов и все они

держат в фокусе упрочение власти уездного начальника среди казахов, достижение большего влияния, чем волостные или бии, но все это упиралось в незнание местного языка и условий. Русская администрация и казахский аул жили в параллельных реалиях. И ситуация эта практически не менялась. Отметим, в качестве адаптивной практики, что в 1890-е годы в Иргизском и Тургайском уездах в деловой переписке все же «приходилось использовать киргизский язык на основе арабского письма, так как оно широко распространено». А в прилинейных Илецком и Николаевском уездах на русском языке переписка шла, возможно ввиду наличия по-русски знающих людей.

Благодарность Статья подготовлена в рамках проекта Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН № AP 19679853.

Литература

- Абдрахим М.Е., Моррисон А. (2022). Казахское чиновничество в Семиреченской области в контексте теории коллаборации Р. Робинсона. Вестник КазНУ. №4 (107). С. 44-52
- Айтмухамбетов А.А. (2010) Казахские служащие Российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX-начале XX вв. (исторический аспект). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук Семей. 346 с.
- Батыров В. В. (2016). Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX вв. Элиста: КИГИ РАН. 226 с.
- Гейнс А. К. (1897) Собрание литературных трудов. Т. 1. Москва, Стасюлевич. 589 с.
- Гейнс А. К. (1898). Мотивированная временная инструкция уездным начальникам Тургайской области. С. 537-696. В кн.: Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. Т. 2. СПб. 743 с.
- Далаева Т.Т. (2016). От волостного султана к волостному управителю (1822 – 1868 гг.): эволюция статуса и социального состава. Электронный научный журнал «edu.e-history.Kz», (1), 72–80.
- Кайралапина А.Ж. (2015). Уездные начальники в системе управления казахами во второй половине XIX века Вестник Актюбинского университета им. С.Баишева №1(47). С.58-62
- Калиева Г.К. (2010). Влияние особенностей управления чиновничества в лице волостных управителей и аульных старшин на их социальный статус. Вестник КарГУ Серия «История. Философия». № 3(59). С.17-22
- Любичанковский С.В. (2017). Уездный начальник как институт управления и аккультурации (на материалах юго-восточной окраины Российской империи 2-й половины XIX – начала XX века) Res Historica, Т.44. Р.137-145.
- Сариева Р.Х. (2002). Колониальная политика царизма в Казахстане: на примере Тургайской области (1868-1914 гг.) : дис.... канд. ист. наук. Алматы. 33 с.
- Султангалиева Г.С. (2009). Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX). Acta Slavica Iaponica, Tomus 27, pp. 77-101
- Султангалиева Г.С. (2015). Казахские чиновники Российской империи 19 века: особенности восприятия власти. Cahiers du Monde Russe. Vol. 56/4. Р. 651-679.
- Тургайская газета. (1896). №65-66 от 3 апреля, 3 с.
- Удербасова С.К. (2014). Интеграция казахских чиновников в административный аппарат управления Российской империи (XIX-XX вв.). Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан. №3. С. 171-175.
- ЦГА РК Ф. 25. О.1. Д. 592.
- ЦГА РК Ф.25. О.1. Д.457.

Campbell I.W. Knowledge and the ends of empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the Steppe, 1731–1917. – Ithaca: Cornell univ. press, 2017. – XIV, 273 p.

Miller A., Berger S. Nationalizing Empires. Budapest; N.Y.: CEU Press, 2015. 692 p.

Rieber A. The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early Modern empires to the end of the First World War. – Cambridge: Cambridge univ press, 2014. – X, 617 p.

References

Abdrahim M.E., Morrison A. (2022). Kazahskoe chinovnichestvo v Semirechenskoj oblasti v kontekste teorii kollaboracii R. Robinsona [Kazakh officialdom in Semirechenskaya oblast in the context of R. Robinson's theory of collaboration]. Vestnik KazNU. №4 (107). S. 44-52 (on Russian).

Aitmukhambetov A.A. (2010) Kazahskie sluzhashchie Rossiiskoi imperii: formirovanie, professionalnaia i obshchestvenno-politicheskaia deiatelnost v XIX-nachale XX vv. (istoricheskii aspekt). [Kazakh employees of the Russian Empire: formation, professional and socio-political activities in the 19th and early 20th centuries. (historical aspect)] Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk Semei, 2010. 346 s. (on Russian).

Batyrov V. V. (2016). Ocherki istorii traditsionnoj kul'tury kalmykov vtoroj poloviny XIX vv. [Essays on the history of traditional culture of the Kalmyks of the second half of the 19th century] Jelista: KIGI RAN. 226 s. (on Russian).

Gejns A. K. Sobranie literaturnykh trudov [Collection of literary works]. T. 1. M. M. Stasjulevich, 1897. 589 s. (on Russian).

Gejns A. K. (1898). Motivirovannaja vremennaja instrukcija uezdnym nachal'nikam Turgajskoj oblasti [Motivated temporary instruction to the district chiefs of the Turgai region.]. S. 537-696. V kn.: Gejns A. K. Sobranie literaturnykh trudov [Collection of literary works.]. T. 2. Spb. 743 s. (on Russian).

Dalaeva T.T. (2016). Ot volostnogo sultana k volostnomu upravitelju (1822 – 1868 gg.): jevoljucija statusa i social'nogo sostava [From volost sultan to volost manager (1822 – 1868): evolution of status and social composition.]. Elektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.Kz», (1), 72–80. (on Russian).

Kajralapina A.Zh. (2015). Uezdnye nachal'niki v sisteme upravlenija kazahami vo vtoroj polovine XIX veka [Uyezd chiefs in the system of management of Kazakhs in the second half of the XIX century]. Vestnik Aktjubinskogo universiteta im. S.Baisheva №1(47). S.58-62 (on Russian).

Kalieva G.K. (2010). Vlijanie osobennostej upravlenija chinovnichestva v lice volostnykh upravitelej i aul'nykh starshin na ih social'nyj status [Influence of peculiarities of management of officialdom in the person of volost administrators and aul elders on their social status]. Vestnik KarGU Serija «Istorija. Filosofija». № 3(59). S.17-22 (on Russian).

Ljubichankovskij S.V. (2017). Uezdnyj nachal'nik kak institut upravlenija i akkul'turacii (na materialah jugo-vostochnoj okrainy Rossijskoj imperii 2-j poloviny XIX – nachala XX veka) [Uezd chief as an institution of management and acculturation (on the materials of the south-eastern periphery of the Russian Empire of the 2nd half of the XIX – early XX century)]. Res Historica, T.44. P.137-145. (on Russian).

Sarieva R.H. (2002). Kolonial'naja politika carizma v Kazahstane: na primere Turgajskoj oblasti (1868-1914 gg.) [Colonial policy of tsarism in Kazakhstan: the example of the Turgai region (1868-1914)]: dis.... kand. ist. nauk. Almaty. 33 s. (on Russian).

Sultangalieva G.S. (2009). Kazahskoe chinovnichestvo Orenburgskogo vedomstva: formirovanie i napravlenie dejatel'nosti (HIX). Acta Slavica Iaponica, Tomus 27, pp. 77-101 (on Russian).

Sultangalieva G.S. (2015). Kazahskie chinovniki Rossijskoj imperii 19 veka: osobennosti vosprijatija vlasti [Kazakh officialdom of the Orenburg department: formation and direction of activity (XIX)]. Cahiers du Monde Russe. Vol. 56/4. P. 651-679. (on Russian).

Turgajskaja gazeta [Turgai newspaper]. (1896). №65-66 ot 3 aprelja, 4 s. (on Russian).

Uderbaeva S.K. (2014). Integracija kazahskih chinovnikov v administrativnyj apparat upravlenija Rossijskoj imperii (XIX-XX vv.) [Integration of Kazakh officials in the administrative management apparatus of the Russian Empire (XIX-XX centuries.)]. Doklady Nacional'noj akademii nauk Respubliki Kazahstan. №3. C. 171-175. (on Russian).

CGA RK F. 25. O.1. D. 592.

CGA RK F.25. O.1. D.457.

Campbell I.W. Knowledge and the ends of empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the Steppe, 1731–1917. – Ithaca: Cornell univ. press, 2017. – XIV, 273 p. (English)

Miller A., Berger S. Nationalizing Empires. Budapest; N.Y.: CEU Press, 2015. 692 p. (English)

Rieber A. The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early Modern empires to the end of the First World War. – Cambridge: Cambridge univ press, 2014. – X, 617 p. (English)

Сведения об авторах:

Шахаман Замзагуль Баекеевна – к. и. н., доцент кафедры истории Казахстана Костанайского регионального университета им. Ахмета Байтурсынулы (Костанай, Казахстан, e-mail: zamzagul@list.ru);

Бекмагамбетов Руслан Кабдугалиевич – к. и. н., ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана Костанайского регионального университета им. Ахмета Байтурсынулы (Костанай, Казахстан, e-mail: ruslan69_07@mail.ru).

Information about authors:

Shakhaman Zamzagul Bayekeyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan at Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University. E-mail: zamzagul@list.ru

Bekmagambetov Ruslan Kabdugaliyevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan at Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University. E-mail: ruslan69_07@mail.ru

Авторлар туралы мәлімет:

Шахаман Зәмзәгуль Баекеқызы – т.ғ.к., доцент, Қазақстан тарих кафедрасы, Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Қостанай Өңірлік университеті. E-mail: zamzagul@list.ru

Бекмагамбетов Руслан Кабдугалиұлы – т.ғ.к., қауымдастырылған профессор, Қазақстан тарих кафедрасы, Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Қостанай Өңірлік университеті. E-mail: ruslan69_07@mail.ru

Поступило: 13.05.2024

Принято: 28.08.2025